

Олег быстрым шагом, почти бегом, поднялся на пятый этаж и, тяжело дыша, остановился перед дверью с номером тринадцать. Рука потянулась нажать кнопку звонка, но тут же отдернулась. Он представил, как Лида откроет дверь и равнодушно спросит: «Это ты? Чего надо? Зачем пришёл?» — а ему и ответить нечего. Действительно, зачем пришёл, чего надо? Просто приехал из Сибири повидаться — глупее ничего не придумать. Захотелось узнать, как живёт, — так уже по входной двери видно, что неплохо. Её полотно было покрыто каким-то коричневым материалом «под кожу» с узорным тиснением, цифры номера — отдельные, из жёлтого металла. Как и ручка, блестящая, изящно изогнутая, видимо, для замка с защёлкой. Остальные две двери на площадке — обычные, из дСП, похоже, крашенные половой краской. В общем, рядовые советские.

Муж, наверное, хорошо зарабатывает. А может, и сама. Интересно, кем она стала? Училась-то на металлургическом.

Олег хмыкнул: вот и узнай. Всего и делов-то — нажать кнопку звонка и немного подождать.

Он услышал, как скрежетнул замок в соседней двери, и, сам того не ожидая, рванул вниз по лестнице, перепрыгивая ступени.

Не к месту вспомнилось, что много лет назад так же бежал от санатория вниз, к морю, а ступени перепрыгивал, потому что издалека увидел на одной небольшую змею, испугался, что наступит, и стало казаться, что они лежат на всём пути. Со стороны, наверное, выглядело очень смешно.

А чего испугался сейчас? Да кто бы знал...

Выскочив на улицу, он осмотрелся и, заметив на детской площадке пустую деревянную беседку, быстрым шагом устремился туда.

Под шатровой крышей, опирающейся на четыре столбика, было тесно и, как ни странно, уютно. С трёх сторон вдоль невысоких дощатых ограждений расположились сиденья, посредине — столик, явно предназначенный для коллективных игр. Вечерами тут наверняка собираются доминошники, любители «забить козла» под ребячий смех и шум на площадке, — сейчас же во дворе никого не было, и Олег вдруг понял почему. День-то рабочий! Он совершенно забыл об этом, проехав двое суток на поезде и думая

только о предстоящей встрече с Лидой. Ну конечно! Десять часов утра, все взрослые на работе, дети — кто в садике, кто в школе, старики ещё не расшевелились — потому и пусто во дворе. Вот и правильно, что не позвонил: Лида с мужем, скорее всего, тоже на службе, а их сын Андрей, должно быть, на занятиях — учится в филиале Уральского политеха. Олег видел Андрея лишь однажды, полугодовалого, когда ехал в Саратов на стажировку и остановился на день в Шадринске в тайной надежде встретить Лиду. Они разминутись на сутки. Он узнал об этом от её бабушки. Оказывается, Лида привезла ей своего сына и вернулась в Свердловск: она заканчивала четвёртый курс в Уральском политехническом. Тогда же он увидел и мальчика: бабушка как раз его пеленала. Глядя на дрыгающее голыми ножками попискивающее крошечное существо, Олег внезапно ощутил холодок неприязни к этому невинному созданию: ему показалось, что ребёнок нисколько не похож на Лиду. Но тут же вспомнил своего Димку, такого же маленького и беспомощного, ни на кого не похожего. Вспомнил, как, узнав о его рождении, весь вечер бегал по друзьям, с гордостью сообщая, что стал отцом. Это, наверное, было нелепо и смешно, но никто не позволил себе даже пошутить — все искренне и радостно поздравляли новоиспечённого родителя. Приглашали поднять рюмку за здоровье, но Олег отказывался — он и так был пьян от адреналина — и бежал дальше. Его переполняло чувство окрылённости и необыкновенного счастья, и он тогда ни на мгновение не вспомнил о Лиде.

А всего через полгода после этого сияющего дня был другой — угрюмый день несостоявшейся встречи в Шадринске. А ещё через четыре месяца директор отправил его в командировку в Ленинград, и он несказанно тому обрадовался, потому что сразу же запланировал остановку в Свердловске, надеясь встретиться с Лидой. Зачем, почему — он и сам не понимал. Разве ему плохо жилось? Да нет, жена вроде бы любила, с тестем и тещей, в квартире которых они занимали просторную комнату, отношения нормальные. Он, Олег, на хорошем счету на заводе, железно обещана квартира. Опять же — сын родился. Зачем ворошить прошлое, беречь сердце себе и Лиде? И — жене,

если, конечно, она узнает. Честно говоря, он об этом просто не думал.

...Свердловск встретил обильным пушистым снегопадом. Олег сдал чемодан в камеру хранения и поехал в Лидин институт. Там узнал, в каком общепитии она живёт, и через полчаса оказался в подъезде возле вахтёрши, объёмистой тётки в меховой безрукавке и пуховом платке. С ходу попытался было пройти, и уже прошёл, и даже приветственно кивнул, но был остановлен грозным рыком в спину: — А ну, мил-человек, стой! Куда и к кому?

Пока он поворачивался, мимо вахтёрши прошмыгнула юркая студентка в лыжном костюме, пискнув на ходу:

— Добрый вечер, тётя Нюра!

— Добрый, добрый, — ворчнула вахтёрша и снова обратилась к Олегу: — Зачем пожаловали, мил-человек?

Олег подошёл к стойке, за которой стояла бдительная стража.

— Да я же свой, тётя Нюра. В прошлом году закончил, — соврал он в надежде, что пожилая женщина вряд ли всех упомнит.

— В прошлом годе меня тут не было, — отрезала вахтёрша. — Кого надо?

— Девушка моя ещё учится, — доверительно наклонившись к ней, вполголоса заговорил Олег. — Лида Малюкова. На четвёртом курсе.

— Знаю: хорошая девушка! Только она теперь не Малюкова, а Гонтарёва. И муж у неё добрый парень — Юрий Гонтарёв. И сынок родился — Андрейка. Так что у тебя, мил человек, девушки, считай, нету и тревожить её права не имеется. Да и вряд ли она с тобой станет встречаться. Лида — человек сурьезный.

У Олега чуть не сорвалось с языка, что не её дело определять, будет Лида с ним встречаться или нет, однако сдержался.

— Ну, хоть сообщите ей с кем-нибудь, что Олег Никитин ждёт, а уж захочет или нет — ей решать. Ну пожалуйста!

Вахтёрша оглядела его с головы до ног и цапнула за рукав проходящего паренька:

— Сидоров, добеги до треста четвёртой, там Лида Гонтарёва. Скажи, что ждут её на вахте.

— Некогда мне, тётя Нюра... — отмахнулся Сидоров.

— Ну, смотри, мил-человек, попросишь сам чего-то — не обессудь.

— Ладно, ладно, скажу...

Сидоров вырвался из рук вахтёрши и побежал вверх по лестнице.

— Скажи: Никитин ждёт, — крикнула вслед тётя Нюра и снова повернулась к Олегу: — Чего ж ты, добрый молодец, такую девку проворонил? Где цельный год шлёндал?

— Так получилось, — пожал плечами Олег.

Да, так получилось. Хотя они думали, что всё будет по-другому. Вернее сказать, не думали вовсе. По крайней мере, когда началась их дружба. В то время мальчик и девочка любить не могли — только дружить, и то вне школы. Но Олег и Лида преступили это неписаное правило.

... После операции по причине острого аппендицита Олег валялся на несвежей постели и скучал. Соседи по палате резались в карты, читать было нечего, передачу от матери он уже получил и никого другого не ждал, поэтому, когда дежурная сестра объявила, что к Никитину посетители, удивился и обрадовался одновременно.

Кто бы это мог быть? Витька Винник уехал в какую-то тьмутаракань, куда направили служить его отца-полковника, Марат Лобанов летом жил в своей деревне Ковриге, что неподалёку от Шадринска (там нет десятилетки, и Марат в время учёбы приезжал в город, «снял угол» у каких-то родственников). А больше близких друзей у Олега не было.

Передвигаясь «по стеночке», Олег добрался до рекреации, где происходили свидания с посетителями, и в некотором обалдении уставился на двух девчонок, поднявшихся ему навстречу.

Одну из них, белобрысую Светку Куликову, он знал по недавней поездке на экскурсию в Москву. Правда, там она надоедала ему тем, что постоянно крутилась рядом, но сейчас он почувствовал если не радость от её визита, то нечто вроде благодарности. Всё-таки развлечение.

Вторая явно не была подружкой Светки — в рекреации сидели они на разных скамейках. Олег напрягся и, кажется, вспомнил её: ну да, родственница Юрки Малюкова, не приятеля, но, можно сказать, хорошего знакомого. Видел её мельком с неделю назад, накануне операции, когда остановился на улице перекинуться с Юркой парой слов: она вышла из ворот малюковского двора, поздоровалась и убежала. Олег ещё обратил внимание на её походку — словно по линейке.

— Кто это? — спросил у Юрки.

— А-а, Лидка, сеструха двоюродная, — отмахнулся тот.

Тогда Лида была в цветастом сарафанчике и тапочках, а в больницу явилась в зелёном платье с оборками на груди и в туфельках на каблукках. Нарядилась зачем-то, в отличие от Светки, которая пришла в лёгком халатике и босоножках, на белобрысой голове белая панамка. Как будто на речку собралась — купаться.

— Привет, — сказал Олег и уселся на скамью.

Девчонки кивнули, здороваясь, и устроились по бокам. Минуту-другую висело молчание. Олегу стало смешно: ревнуют, что ли, друг дружку?

— Ну, расскажите хоть что-нибудь, — предложил он, когда молчание слишком затянулось.

Однако разговора так и не получилось. Поглядывая искоса друг на друга, помямлили про скорое начало учебного года, про то, что объединяют мужские и женские школы, но десятые классы остаются раздельными. У Олега, кстати, класс был выпускной, у Лиды девятый, а Светка вообще только в восьмой перешла. («Тоже мне, подружка нашлась!» — подумал Олег.)

Посидев минут десять, девчонки начали прощаться.

— Тебя когда выписывают? — спросила Лида.

— Дня через два-три. У меня дикое мясо вокруг раны нарастает.

У посетительниц вытянулись лица.

— А это что такое?!

— Рану из-за гноя не стали зашивать: пусть, мол, зарастает сама, — а она не зарастает. Мясо по кругу растёт, и его ножницами обрезают.

— Больно же! — ахнула Лида.

— А что делать? Терплю.

— Есть же уколы обезболивающие!

— Есть. Не про нашу честь. Новокаина на операции не хватает.

— Ничего себе! — прошептала Светка.

Лицо её побелело, и на носу ярко выступили веснушки. Олег даже удивился: до этого он их как-то не замечал.

— Да ладно, девчонки, — бодро сказал он. — На войне и не такое бывает.

— Война девять лет как закончилась, — сказала Лида.

— Другие будут, — заверил Олег. — Надо привыкать.

Где-то через неделю, уже выписавшись, он шёл в больницу на перевязку и снова встретил Юрку Малюкова, и тот с ходу атаковал:

— Показывай своё дикое мясо! Лидка рассказывала, а сама слезами заливалась.

Олег растегнул ремень, оттянул резинку трусов, показал марлевую накладку, перекрещённую полосками лейкопластыря. Юрка потянул кончик полоски, Олег дёрнулся.

— Что, больно? Вот коновалы!

— Да нет, я сам виноват, живот болел, а я тянул, думал, черники объелся. Мать купила целый килограмм, я и навалился. Врачиха сказала: ещё два-три дня, и операция бы не помогла. Перитонит!

— Да-а, и осталась бы Лидка без кавалера, — ухмыльнулся Юрка.

— При чём тут Лида? — насторожился Олег.

— Да втюрилась она в тебя, на глазах сохнет.

— Брось! — не поверил Олег.

— Зуб даю! Людка, сестра её старшая, проболталась.

— Нашли о чём болтать! — со злостью бросил Олег и поспешил уйти.

Он был в полной растерянности. Дело в том, что отношения с девчонками у Олега складывались как-то не очень удачно. Не то что у Марата.

Деревенский парнишка с буйной кудрявой шевелюрой, Марат немного походил на молодого Есенина и, наверное, поэтому имел огромный успех у девочек, особенно из соседней женской школы номер девять. Однако увлечения Марата очень быстро проходили, а оставленные им подружки имели обыкновение жаловаться на обманщика Олегу. При том ни одна из них не переносила своё внимание на самого «приёмщика жалоб», как, посмеиваясь, называл его Марат. Поэтому Олег в присутствии девчонок чувствовал себя скованно и не делал никаких попыток им понравиться, хотя Марат не раз ему говорил: «Учись, пока я жив, перенимай опыт».

Поэтому не было ничего удивительного в том, что заявление Юрки поначалу просто-напросто его ошарашило, но — именно поначалу. Оно же и заставило приглядеться к Лиде. И чем больше он приглядывался, тем симпатичней и интересней эта девчонка казалась.

В тот год действительно школы объединили, оставив выпускные классы доучиваться в прежнем составе. Но девятые классы, в одном из которых была Лида, занимались, в отличие от десятых, во вторую смену, и это создавало определённые трудности для Олега. Конечно, можно было выбирать время после окончания второй смены, и Олег пару раз подждал Лиду возле школы и шёл позади на расстоянии, достаточном, чтобы вовремя сделать вид, будто оказался тут случайно. Лида обычно возвращалась с подружками, но те постепенно расходились по домам, и последние полтора квартала она шла одна. Шла быстро, не оглядываясь и ступая словно по линейке. Олегу очень нравилась эта её походка; знающие ребята из посёлка Фубра, где он жил с матерью, говорили, что такая походка называется «королёк» и бывает она лишь у самых «фартовых» девчонок. Нравилась ему стройная фигура, длинные ноги и кудрявые тёмно-русые волосы, собранные в простенькую причёску — что-то вроде полураспушенной косы на правом плече.

На третий раз Лида, расставшись с последней подружкой, прошла ещё несколько шагов, но вдруг остановилась и обернулась.

— Ну что, Олег, так и будешь ходить за мной хвостиком?

— Я не хожу, — пробормотал он приближаясь. — Я случайно. Нам ведь по пути.

— Конечно, случайно, — засмеялась Лида. — Ну, пойдём, раз уж по пути.

Они пошли рядом, но гораздо медленней. Олег порадовался, что всё вышло как бы само собой, но и загрузил: надо было разговаривать, а он не знал о чём.

Чем ближе был дом Лиды, тем тягостнее становилось молчание.

— Я тебе нравлюсь? — неожиданно спросила она.

Олег сглотнул и закашлялся. Пришлось остановиться. Лида терпеливо ждала, заложив руки с портфелем за спину и покачиваясь с пятки на носок. Наконец Олег справился с кашлем и улыбнулся Лиде:

— А ты как думаешь?

— А тебе трудно прямо ответить?

— Да нет... Только ты ведь и так знаешь.

Лида хмыкнула и быстро пошла к дому, до которого оставалось метров пятьдесят. Олег стоял и смотрел вслед, пока она, ни разу не обернувшись, не вошла в калитку.

Так началась их дружба. И развивалась она стремительно.

Вскоре Олег стал приходиться не только к концу второй смены, но и к большой перемене. Они не скрывались в укромном уголке, а стояли обычно в коридоре у окна и разговаривали. О чём? Да обо всём — о школьных делах, о прочитанных книгах, о новом спектакле драмтеатра, о подготовке к Новому году... Олег не переставал удивляться, как это у него стало получаться — легко и просто говорить на любые темы. Но удивлялся не только он. Вся школа изумлённо глазела на непривычные в её стенах отношения. Нет, за их пределами мальчишки и девчонки могли общаться как им вздумается, да и внутри школы официального запрета не было, однако любые подобные «вольности» немедленно пресекались под предлогом борьбы за дисциплину. А Лиды и Олега это вовсе словно бы и не касалось: они ни на кого и ни на что не обращали внимания — были просто рады встрече. И странное дело — возле них всегда было светло, как будто солнце даже в пасмурную погоду находило возможность посылать им свои лучи. Может быть, поэтому их никто и не трогал.

А потом был новогодний вечер в школе, и Олег танцевал только с Лидой. И вообще не расставался с ней ни на минуту. Ну и, конечно, провожал её до дома.

Они шли по плохо освещённой пустой улице, держась за руки, и молчали. Падал редкий снежок, лицо пощипывал деликатный морозец, и было так хорошо, что не хотелось ничего говорить.

Остановились у калитки Лидино дома. Выходящее во двор окно слабо светилось.

— Папа ждёт, — глядя на окно, сказала Лида.

Олег уже знал, что она живёт с отцом и бабушкой, а её старшая сестра Людмила — с матерью. Последствия развода.

— Я слышал, что твои родители поженились сразу после школы, — сказал Олег.

— Да, — кивнула Лида. — Людя родилась, когда маме только-только восемнадцать исполнилось. Они с папой очень любили друг друга.

— А чего ж развелись?

— Папа был на войне, попал в плен, бежал, воевал в партизанском отряде, а в сорок шестом его

арестовали и на восемь лет отправили в шахту. А маме посоветовали отказаться от него, она и развелась. Когда папа вернулся, я ушла к нему, а Людя осталась с мамой и её новым мужем. Так и живём. Родные и неблизкие.

— А я своего отца не знаю, — сказал Олег. — Мне было три года, когда он ушёл на фронт и не вернулся.

— Погиб? — Лида заглянула ему в лицо.

— Да нет, — криво усмехнулся Олег. — К нам с мамой не вернулся. Завёл новую семью.

Он отвернулся, чтобы Лида не заметила, как повлажнели его глаза. Это случалось всякий раз, когда заходил разговор об отце: Олег очень жалел мать.

Но Лида почувствовала, что ему горько, взяла за плечи, притянула и сама к нему потянулась и поцеловала в щёку. Олег не отпустил её и ответил долгим поцелуем, но не в щёку, а в мягкие губы. Она не сопротивлялась — наоборот, прижалась к нему всем телом. Поцелуй получился долгим и горячим. А когда они, наконец, отстранились друг от друга, Лида убеждённо сказала:

— У нас будет всё иначе.

Потом они целовались при каждом свидании, порою очень страстно, однако Олег ни разу не позволил себе перейти некую границу, им же самим установленную, хотя порой хотелось так, что кружилась голова. Впрочем, возможно, и перешёл бы, если бы уверен был, что Лиде хочется того же, но она ни одним, даже малейшим, движением не откликнулась на его желание; он подозревал, что она тоже определила границу в их отношениях. И убедился в этом при последнем свидании, за несколько часов до отъезда из Шадринска.

Было раннее утро июня. Закончился выпускной вечер десятиклассников, на который, конечно же, были приглашены девятые классы. Олег и Лида медленно шли по берегу Исети, по тропинке среди разросшихся тальников. Молчали, обоим было грустно до горечи, потому что Олег вечером уезжал поступать в Томский университет — в Томске жила его родная тётка, и не нужно было тратить на жильё. Лида, как они договорились, должна была приехать к нему после получения своего аттестата.

До восхода солнца оставалось не более получаса, на востоке уже всю полыхала заря, но дома на берегу ещё спали, и тишина окутывала всё окружающее плотным покрывалом.

Было прохладно, Лиде в лёгкой блузке стало зябко, и Олег распахнул свой пиджак:

— Иди ко мне. Я тебя согрею.

Она доверчиво прильнула к нему, и они тут же начали целоваться. Он обнимал её всё крепче, но тут что-то щёлкнуло, и Лида вырвалась из его объятий, даже отступила:

— Всё! Я — домой!

— Как—домой?! Почему?! Я ведь уезжаю...

У него был такой растерянный вид, что она остановилась и пробормотала:

— У меня... неприятность...— Лида покраснела и вдруг решительно сказала:— Пуговка у лифчика оторвалась.

— Ну и что?!

— Как это что?! Как это что?! Как я домой приду?!

Из глаза её брызнули слёзы. Олег затоптался, не зная, что сказать и что сделать. И вдруг его осенило! Он вспомнил, что у него есть булавка: мать давно ещё воткнула её возле внутреннего кармана пиджака—от дурного глаза. Олег тогда посмеялся, потом забыл про неё, а она вот взяла и пригодилась.

— Сейчас исправим,—сказал он и показал булавку.—Соединим концы лифчика.

Лидины глаза стали вдруг такими огромными, что Олег перепугался.

— Ты чокнулся?! Я что—разденусь перед тобой?! Псих ненормальный!

Она почти кричала. Покрасневшие щёки заливали слёзы.

— Лида, ты чего?—забормотал Олег.— Не надо раздеваться. Я на спине блузку приподниму и лифчик заколю.

— Всё, я пойду домой!—Лида вытерла глаза и повернулась, чтобы идти, но Олег удержал.

— Так вот возьмишь и бросишь меня?

Прозвучало тихо и пронзительно. Она опустила голову, думая. Он ждал.

— Ладно. Но рукам воли не давай.

Олег, стиснув зубы, постарался выполнить приказ: приподнял на её спине блузку, нащупал концы лифчика, соединяя их, уколол кожу. Лида вздрогнула, но промолчала. Олег застегнул булавку, преодолевая себя, убрал руки из-под блузки, но оставил на талии, впитывая ладонями прохладу её кожи. Прислонился лбом к волосам Лиды и с минуту стоял так, не говоря ни слова.

Лида не двигалась и глубоко дышала.

Олег попытался передвинуть ладони выше, Лида сразу же шагнула вперёд, освобождаясь от его рук, заправила блузку за пояс юбки.

Больше ничего в это утро не произошло, а после обеда мать проводила его на проходящий поезд Москва—Томск.

Лида на вокзал не пришла—они так договорились, попрощавшись на берегу.

Полгода они переписывались—еженедельно по толстому письму. Олег собирался съездить в Шадринск на зимние каникулы, но тётку положили в больницу на ушивание грыжи, и он должен был каждый день навещать её с передачами. А в середине января пришло очень короткое письмо. «Я серьёзно заболела и в Томск не поеду,—писала Лида.— Не хочу тебя обременять. Если диагноз

подтвердится, ты свободен». Олег в ответ разразился длинным письмом, в котором заверял, что любит её и ни за что не оставит, чем бы она ни болела. После этого было долгое молчание. Олег рвался поехать в Шадринск, но тётка, человек столь же рассудительный, сколь и добрый, сказала:— Не мельтеши. В болезни ты ничем не поможешь, за ней там есть кому приглядеть, а денег на прогулку туда-обратно у нас нет. Вот сдашь свою весеннюю сессию на повышенную стипендию—и поезжай. Бог даст, за это время ничего страшного не случится. Пиши письма, глядишь, и ответит.

Лида ответила на четвёртое или пятое письмо. Диагноз, мол, подтверждается, правда, какой—не написала. Но опять советовала забыть её, и Олег опять уверял длинным письмом в своей верности.

Сессию Олег сдал на пятёрки, но поехать к Лиде летом не получилось. Их курс, все пять групп, отправили на целину. Только в сентябре ему удалось выкроить десять дней, и он немедленно помчался в Свердловск: знал, что Лида поступила на металлургический факультет политеха.

Первокурсники, естественно, уже были в колхозе, помогали в уборке урожая. Налегке, даже без чемоданчика, который остался в камере хранения, Олег обошёл четыре колхоза в поисках любимой и только в пятом нашёл её. Однако встреча получилась совсем не такой, как ему хотелось. Лида уклонилась от поцелуя, сказав, что простужена, и вообще вела себя очень скованно. От палаток, в которых жили её сокурсники, она увела Олега за какие-то сараи и села на валявшееся полугнившее бревно.

— Надо поговорить.

— Мы что, прячемся?—удивился Олег.— Ты меня стесняешься?

Он демонстративно осмотрел себя: довольно старый серый плащ, чёрные сагиновые шаровары, сандалии из кожзаменителя и брезентовую «фронтную» сумку через плечо; в сумке только и было, что пустая эмалированная кружка и её, Лидина, фотография, которую он показывал в своих поисках. Вздохнул:

— Да, видок ещё тот, на дипломатический приём не тянет,—посерьёзней, сел рядом, снова вздохнул:— Коли надо, значит, поговорим.

— Ты зря приехал,—сказала она, опустив голову.— Прости: я тебе врала про болезнь... Нет, не так... Я действительно заболела, но это—не то, что ты думал... Это случилось на зимних каникулах. Приехали твои одноклассники—из Свердловска, Челябинска... Марат, Юрка Хребтов, Боря Бронский...—Лида подняла голову, голос окреп.— А ты не приехал, хоть и обещал! Мне было плохо, очень плохо, и ребята принялись меня развлекать... Особенно Марат... И я увлеклась, я им заболела. Заболела так, что забыла про тебя! Понимаешь, забыла!

Лида тихо заплакала. Олег, сгорбившись, сидел рядом. Его оглушили уже первые слова про враньё, и все последующие он воспринимал как бы прилетающие издалека, по пути теряющие смысл. Лида забыла его?! Разве такое возможно?! Ведь она сама говорила...

— Ты говорила: у нас всё будет иначе!

— Я думала, что похожа на папу, а оказалось — вся в маму.

— Выходи за меня замуж, — неожиданно сказал Олег.

Лида удивлённо взглянула и отрицательно покачала головой:

— Нет. Ты меня простишь, я знаю, но помнишь будешь всегда.

Олег не возразил, потому что не был уверен в её неправоте. Он хотел спросить, была ли у неё с Маратом полная близость, но устыдился и промолчал. Да и какое это, в сущности, имеет значение? Не только теперь, а вообще. Другое дело, что у них с Лидой этой близости не было и уже, наверное, никогда не будет. Горькая мысль бурвчиком просверлила сердце и заставила вспомнить о многих упущенных на их свиданиях возможностях. Могло, могло быть, но... однажды не был уверен в себе, другой раз не знал, как она отнесётся, а в общем — боялся обидеть...

— Что ты молчишь?!

Она спросила тихо, но словно вскрикнула, и этот вскрик выдернул его из болота сожалений и заставил посмотреть Лиде прямо в глаза. Он не увидел в них раскаяния — только требование ответа. А какой может быть ещё ответ? Он уже сказал всё, что мог, а она — всё, что хотела.

Олег встал и пошёл куда глаза глядят. Он плакал — от обиды, от разочарования, от обманутых надежд...

Лида не окликнула, не остановила.

Да, вот так получилось.

...Почти три года Олег не имел о Лиде никаких известий, а потом неожиданно получил письмо от Витки Винника. Старый школьный друг учился в Киеве на архитектора. Каким образом он разыскал томский адрес — Олег терялся в догадках. Мог бы через шадринских знакомых матери Олега, однако она тоже переехала в Томск и контактов никому не оставила. Оставалась только Лида, тем более что Виктор вроде как мимоходом обронил, что она вышла замуж (откуда-то узнал), и спрашивал, не женился ли Олег.

Известие о замужестве Лиды больно укололо Олега. Он-то думал, что всё забылось, болью поросло, и сам уже женился на однокурснице — ан нет, корешки остались. Эти корешки и погнались его сначала в Шадринск по пути в Саратов, потом в Свердловск, в это общежитие.

— Олег?! Ты здесь откуда?!

Он как-то проглядел, когда она спустилась, — видимо, слишком задумался, — и увидел её лишь перед собой, стройную, красивую, в беличьей шубке и такой же шапочке, из-под которой выбивались вьющиеся волосы. Когда-то давно, в прошлой жизни, он часто смеялся, что волосы её — все в хозяйку, такие же упрямые, непокорные. Карие глаза с зелёными искорками смотрели требовательно, в упор. Пальцы рук нервно мяли белые вязаные варежки.

— Я пришёл к тебе с приветом, — сказал Олег, и эта заезженная со школьных лет манера здороваться, похоже, оказалась как нельзя кстати. И неожиданно для себя добавил: — А замужество тебе к лицу.

Она вспыхнула — наверное, от капельки яда, нечаянно попавшей в искренние, в общем-то, слова. Лида действительно похорошела, особенно в сравнении с той, которую он помнил по встрече в колхозе. А когда они дружили, Олег даже не задумывался, красива ли его подруга: она ему нравилась, и всё!

— Ты куда-то собиралась? — поспешил он загладить свою невольную неловкость и дотронулся до беличьего рукава.

— Да нет... в аптеку надо... капельки Андрюшке... — смутилась она и пошла к выходу.

Олег прощально-благодарно кивнул тётке Нюре, внимательно наблюдавшей за ними, и шагнул следом за Лидой в снежную завесу.

Они вместе вышли на крыльцо.

— Господи, какая красота! — не смогла удержаться Лида.

Красота, и верно, была потрясающая.

Снег падал вертикально, крупными хлопьями. Если поднять голову и смотреть вверх, казалось, что он летит именно к тебе — из глубокой черноты, словно прямо из космоса. Это завораживало.

Фонари по обе стороны дорожки, ведущей к улице, горели голубоватыми огнями, как огромные звёзды. Олег любил читать про звёзды и на целине насмотрелся на них вдосталь. Там они висели в небе как яркие гирлянды, и от этого ночное небо над степью всегда казалось праздничным. А здесь летящие сверху, из темноты, снежные хлопья, попадая в свет фонарей, словно вспыхивали белым огнём, но, не сгорая, укладывались на чистые холсты зимы. И это тоже создавало праздничное настроение.

Лида пошла по дорожке к улице. Куда, зачем — неизвестно. Олег двинулся следом. Догнал, пошёл рядом. На улице было малоллюдно, по мостовой иногда пробегали машины, почти не нарушая тишины.

Шли молча. Свернули в какой-то переулок с бревенчатыми домами. Из окон с цветными занавесками косыми пластами вываливался свет; пушистые снежинки дробили его на мелкие вспышки. Олегу это напомнило картинку из «Снежной королевы».

Мы—выросшие Кай и Герда, подумал он, выросшие, но не расколдованные. И неизвестно, удастся ли сложить слово «вечность» и расколдовать—это же не сказка. Вспомнилось: «У нас будет всё иначе»,—и рассыпалось на буквы-снежинки. — А кто с Андрюшей остался?—спросил он, не глядя в её сторону.

Лида остановилась. Олег по инерции ступил ещё два шага и обернулся к ней. Она гордо вскинула голову:

— Его отец остался... Юра Гонтарёв,—и зачем-то добавила:— Он очень хороший человек!

— А очень хороший человек знает, куда ты пошла? И с кем?

Она кивнула так энергично, что с беличьей шапочки слетели скопившиеся белые хлопья, и утверждающе повторила:

— Юра—замечательный человек! Он всё понимает.

Олегу показалось, что она пытается убедить его, а получается—убеждает себя; показалось, что она всё-таки любит его, Олега; ему остро захотелось сказать, как тогда в колхозе: «Выходи за меня!»—но он подавил неуместное желание, или, вернее, побоялся снова услышать отказ. А ещё подумал о своём маленьком сыне: разве малыш виноват, что его отец не может определиться со своими чувствами? Метания метаниями, но Олег хорошо знал, что такое безотцовщина, и ни за что не хотел Димке такой участи.

— Ты зачем приехал, Олег?—спросила вдруг Лида.

Он не ответил, просто уже не знал, что сказать. А она заглянула ему в глаза, близко-близко, и прошептала:

— Не отпускает школьная любовь?

Обняла за шею и прижалась горячими губами к его губам. Как тогда, в первый раз.

Поцелуй длился целую вечность. По крайней мере, так показалось Олегу. Он почти задохнулся, но не хотел прерывать его волшебство.

Прервала Лида. Так же решительно, как и начала:

— А теперь уходи. Я Юру не брошу. И не пиши мне, я не отвечу.

— Ты же его не любишь...

Хотел сказать по-мужски жёстко—не получилось. Не умел он так говорить и почувствовал: хорошо, что не сказал. Объятий не разжал, но она сняла с себя его руки, и он не попытался воспротивиться. Понял, что бесполезно, хотя на секунду стало неприятно, что выглядит перед ней этаким конформистом, проще говоря—соглашателем.

Разве только выглядит? И только перед Лидой?

День клонился к вечеру. Дети вернулись из школы, из детских садов, кто-то уже возился на игровой площадке. Мелькали взрослые. Олег из своего укрытия внимательно глядялся в каждую женщину: а вдруг это Лида? За двадцать лет она могла

сильно измениться и стать незнакомой, однако Олег был абсолютно уверен, что узнает её, как только увидит. Она осталась в его памяти той же стройной, с горделивой осанкой и походкой «по линейке», что всегда выделяло её среди других девушек.

Женщины по двору проходили часто, несколько заходили в Лидин подъезд и выходили из него, но ни одна не походила на Лиду. Времени оставалось всё меньше: в двадцать два тридцать должен проходить поезд, на котором Олег собирался продолжить свой командировочный путь. Задержка почти на сутки, конечно, не останется незамеченной директором завода, придётся писать объяснительную, и вполне реально схлопотать выговор и лишиться премии, а значит, получить нагоняй от жены, которая внимательно следит за семейными доходами и расходами. Олег всегда реагировал на это весьма болезненно, но сейчас его волновало лишь одно: увидит он Лиду или так и уйдёт, не решившись нажать кнопку звонка?

Нет! Сейчас или никогда! В конце-то концов, он с лихвой выполнил свой семейный долг—вырастил сына, получил на заводе трёхкомнатную квартиру в новом доме, купил машину—правда, «Таврию» б/у, но бегает ещё неплохо, обзавёлся хорошей румынской мебелью, цветным телевизором... Имеет же он право на личное счастье!

Стоп, остановил он себя, а почему ты решил, что здесь и сейчас тебя ждёт личное счастье? Ты двадцать лет не получал от Лиды никаких известий, адрес узнал от случайно встреченной её одноклассницы—и на что-то претендуешь? Да, тогда в Свердловске у неё вырвалось, что она тоже помнит школьную любовь, ну и всё! Да мало ли кто до седых волос помнит свою школьную любовь и, бывает, тоскует о ней: недолюбил, мол, могло бы быть иначе?... Иначе?! «У нас всё будет иначе»,—это же её слова, самые важные, на всю жизнь! Она никогда ничего не говорила просто так!.. А потом был Марат... Ну и что?! Был Марат! Вот именно—был! А где был ты? Почему тогда ушёл? Просто взял и ушёл! А она, возможно, ждала, ждала чего-то другого...

Э-эх, двум смертям не бывать!

Олег вскочил и бегом направился к Лидиному подъезду. Взлетел на пятый этаж и нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась сразу же, как будто его ждали. В проёме возникла грузная фигура женщины. Мелькнула мысль: может, свекровь?—и канула в никуда.

— Здравствуйте,—сказал он и запнулся, наткнувшись насторожённый взгляд.

— Здравствуйте. Вам кого?

— Я могу видеть Лидию Валентиновну?

— Какую Лидию Валентиновну? Тут такой не живёт.

— Гонтарёву...— он уже понял, что произошло непоправимое, но ещё надеялся.

— Ах, Гонтарёву!— женщина неожиданно заулыбалась.— Так они переехали, уже с полгода как. Юрий Петрович-то начальником цеха был у нас. Его как секретарём горкома выбрали, так вскорости они и переехали. В горкомовский дом переехали, на улице Чехова. А эту квартиру он нам отхлопотал, спасибо ему, хороший человек! А вы им кто, родственник?

— Не подскажите номер дома, квартиру?

— Да дом-то и без номера видный, не панелька небось. Одно слово— горкомовский! А квартиру не подскажу, что не ведаю, то не ведаю. Да там, на Чехова, кого-нибудь спросишь— подскажут. Выдающие люди живут!

Вот уж верно, выдающие, думал Олег, торопливо спускаясь по лестнице. Ишь ты, Юра, хороший человек,— теперь секретарь горкома. Квартиру вон своим рабочим спроворил. Куда ж ты лезешь, «невыдающий» Олег Матвеевич, со своей запоздалой любовью? Рядовой советский инженер. Ну хорошо, пусть не рядовой, пусть начальник отдела...

Олег не успел додумать свои саркастические мысли, как лестница кончилась, и он выскочил наружу, на свежий вечерний воздух. Смеркалось, до поезда оставалось около часа— надо было спешить. На повороте он столкнулся с женщиной, машинально извинился и уже проскользнул мимо, но был остановлен тихим вскриком:

— Олег!

Он дёрнулся как ужаленный и обернулся. Это была она, Лида. Немного расплывшая, коротко стриженная, что ей было очень к лицу, в модном

плаще и яркой шёлковой косынке, небрежно повязанной вокруг шеи.

— Лида... как ты здесь?..— он подошёл к ней, взял за руку, она не противилась.

— Я как чувствовала...— она огляделась. В отдалении несколько человек смотрели в их сторону.— Давай пойдём. Тут меня все знают.

Они вышли на улицу, под осенние клёны, ронявшие большие листья, жёлтые с красными прожилками. Олег поднял один за другим пять штук и вручил Лиде:

— Мой букет. Хотел купить цветы, но не был уверен...

— Это лучше цветов.

Она взяла его под руку, повела, и он, как всегда, подчинился.

— Я чувствовала, что сегодня что-то случится, места себе не находила,— говорила она. Олег слушал, впитывая каждое слово.— И муж пришёл взвинченный, из-за пустяка наорал... Мы последнее время живём как чужие... А меня потянуло сюда, я люблю этот дом и этот двор, люди тут замечательные... Ну а ты как тут оказался? Опять проездом?

Его резануло это «опять» и в то же время обрадовало. Значит, помнит ту зимнюю встречу! Какие-то у нас сезонные свидания, внутренне усмехнулся он: ранняя осень—расставание, зима—холодная встреча, золотая осень— что сулит, надежду?

— Я ехал к тебе,— сказал он. Остановился сам, остановил её и взял за руки.— Я всю жизнь ехал к тебе.

И увидел радость в карих глазах.